

Как-то мы с Олегом Меньшиковым сидели в его гримерной комнате в Театре имени М. Н. Ермоловой, о чем-то беседовали, как вдруг вошел Зиновий Гердт и, хитро посмотрев на нас, воскликнул: «Вы тут сидите, а в пятистах метрах от вас головы летят!». «Какие головы?» — изумились мы. «Как какие?! Горбачев всех бездельников с работы снимает! Вы только представьте себе, какие времена наступили!». Мы представили. «Олег, — обратился он к Меньшикову, — что ты сейчас читаешь?». «Льва Толстого» — ответил тот. «А я все больше Михаила Сергеевича...» — с наслаждением произнес Гердт. Это было в январе восемьдесят шестого...

И вот мы с Зиновием Ефимовичем пьем кофе на его даче. За окнами — девяносто второй.

Зиновий Гердт:

«ОТЕЦ СЕРГИЙ

ВО МНЕ НЕ НОЧЕВАЛ...»

— Зиновий Ефимович, вы сегодня такой же оптимистичный!

— Сегодня я не такой оптимистичный — Михаила Сергеевича не читаю, но не потому, что я его разлюбил: я понял, что он тоже человек, не лишённый слабостей. Но его главной заслугой я никогда не забуду. Даже хотя бы то, что мы с вами сейчас разговариваем о первом лице государства в вольных тонах, — без него было бы невозможно. Я никогда не забуду, что он сделал для меня лично, — он дал мне свободу. Еще я не забуду молодого человека, хорошо мне знакомого с его детства, который брал у Горбачева, уже у бывшего президента, интервью (теперь этот малый — знаменитый редактор) и в конце беседы похлопал Михаила Сергеевича по плечу — это очень некрасиво с его стороны, но он себе это позволил по той же самой причине.

— Горбачева считают несвоевременным человеком, мол, пришел к нам не в свое время, потому и не был понят своим народом...

— Я не знаю, каким должен быть человек, с какой миссией, чтобы заскорулез в совершенном рабстве общество, довольное своим рабством, могло бы понять его. Вот сейчас говорят: «При Брежнев все было...». Не понимаю, что было-то все в Москве, а в Туле уже не все было. Я помню, у нас в Тульской области была знакомая девочка — ее мама работала свекловодом, а они с сестрой питались тем, что терли на терке мороженую картошку, смазывали салыной свечой сковородку и пекли драмики... И это не в войну! Так вот их маме вручили орден Ленина, и когда она вернулась с ним домой, то швырнула этот орден о земляной пол и сказала: «Лучше бы досок на пол дали!». Так что все эти разговорчики относительно того, как было прекрасно при Сталине и как необыкновенно хорошо при Брежнев, — такая чушь! Рабская чушь!

Нельзя быть счастливым, понимая, что ты раб, и быть счастливым в своем рабстве. А вот сегодня я не раб. Хотя, казалось бы, я человек выделенный — работал в Театре Образцова — этот театр всегда был на виду, облакан правительством. С сорок девятого года я уже бывал в капиталистических странах — мы каждый год куда-нибудь ездим, и, несмотря на это, я был совершенный раб! Я! А уж что об остальных говорить... Одна женщина сошла с ума, когда ее не пустили в Болгарию из-за подметного письма. Если началась поездка за границу, так называемый «коллектив» — чудовищное образование — заваливал райкомы и министерство анонимными письмами. А если у кого-то случался инфаркт — я видел счастливые лица. Это чудовищно. Есть такая поговорка: у соседа умерла корова — что мне осед, что мне его корова? А все равно приятно... Это безнравственно.

— Помните, когда Борис Николаевич Ельцин приехал из Минска после подписания «Тройственного Союза» в Беловежской пуще, у трапа самолета его спросили: может быть, это не этично по отношению к президенту Горбачеву? Он ответил, что в данной ситуации его не волнуют эти-

ческие нормы... Что вы хотите от простых смертных!

— Политика — вообще вещь безнравственная — это давно доказано. Политика — вещь свирепая, которая никого не щадит. Но не забывайте, что Ельцин во время ареста Горбачева в Форосе первым делом потребовал освобождения президента — своего соперника, — импонирующий народу поступок...

— Но ведь вы же не будете спорить, что августовский переворот девяносто первого года, грубо говоря, сыграл на руку Борису Николаевичу, и наивно полагать, что он должен был вести себя как-то иначе...

— Да, да... Я понимаю. Это нормальный политический поступок. Ленин в семнадцатом году тоже ни с кем не церемонился, а воспользовался ситуацией. Надо уметь играть. Но не поперек души. Я не думаю, что Ельцин способен на подлость. Опять-таки, может быть, это мое романтическое представление о человеке.

— Семьдесят лет у нас была только одна точка зрения. Теперь — другая, но тоже одна. Не бросаемся ли мы из крайности в крайность?

— Согласен. Если вспомнить фильм Станислава Говорухина «Россия, которую мы потеряли», там много интересных документальных подробностей, но я их все и раньше знал — ничего нового он мне не сказал. Я очень хорошо к нему отношусь, и он ко мне, надеюсь, тоже. Но здесь Говорухина занесло в одну сторону: он выработал концепцию и целую жизнь нескольких поколений огромной страны подобрал под нее. Есть такие люди: взяли три-четыре примера, которые звучат очень убедительно — и все. А когда спросишь: «А это?». Отвечает: «Я про это не думал...». Ну не хочет человек про это думать! Так и Станислав. Насколько он взбудоражил меня своей предыдущей картиной «Так жить нельзя», настолько разочаровал этой.

— Картина создает ощущение, что приличных людей в то время вообще не было, во всяком случае, в окружении Ленина...

— Чтобы совсем не было — не складывается такого впечатления, не все были плохими людьми — тому много примеров. Они и сейчас есть. Я в силу и возраста, и воспитания, и сложившихся жизненных обстоятельств — конформист. Я всю жизнь им был. Делал вид, что все прекрасно, хотя на кухне с очень небольшим количеством друзей я был совершенно откровенным, но в шестьдесят восьмом году на Красную площадь не вышел. Я думал: а как будет дочка? А жена? Я не сумел поставить себя выше собственного бытия — кишка тонка. А есть люди, что пошли, — такие всегда были. Вспомните Сахарова, на которого орала на съезде...

— Эти жуткие бабы...

— Жуткие... Но порядочные люди были всегда. Есть такое четверостишие, кажется, у Евтушенко:

Был Галилей не всех умнее...
О том, что вертится Земля,
Знал кто-то раньше Галилея,
Но у него была семья...

А Андрей Дмитриевич ставил это выше — это удел гениев...

— У гениев вообще бывает нормальная жизнь!

— Не думаю. Я жил рядом

с гениями, но благополучной жизни не встречал.

— Это какой-то рок!

— В нашей стране — да. Помните, Борис Годунов говорил: я все сделал для этого народа, а любить они умеют только мертвых.

— Только горе открывает нам великое и святое.

— Это очень российское. Видимо, нормальная человеческая жизнь, сложившаяся с детства в любви и гармонии, не нуждается в горе, хотя мы, живя в этой стране, понимаем, что без страдания человек не может сложиться как личность.

Однажды мы с Татьяной Александровной, моей женой, в одно прекрасное воскресное утро сидели в скверике в Цюрихе, а мимо шли улыбающиеся пожилые люди — совершенно счастливые. И вдруг Таня меня спрашивает: «А ты бы хотел жить здесь? Нет, не переместись сюда, а родиться здесь?». «Да не приведи, Господи! — воскликнул я. — Они же не знают страданий!»

— Вы когда-нибудь ощущали пустоту жизни?

— Пустоты — нет, а трагичность ощущал всегда. Ложусь с этой мыслью и просыпаюсь с ней: не состоялся!

— Это вы-то не состоялись!

— Да! У Маяковского есть строки что-то вроде: любовь — это значит в глубь двора срываться... ревнуя к Копернику... Его, а не мужа Марии Ивановны, считая своим соперником... Ревновать надо к Копернику. То, что я живу лучше, чем мой сосед-обыватель, — это не достижение. Я не могу быть благодарен судьбе за достижения моей практической жизни — спокойно сидеть в концертном зале и слушать игру хорошего пианиста — я ужасно завистлив. Художник в течение пяти минут может набросать на бумаге что-то божественное — мне это совершенно не дано. Как ему это удается? Почему я не знаю, скажем, грузинский язык, чтобы читать стихи грузинских поэтов в подлиннике? Я уже никогда этого не узнаю. Зря думают, что жизнь человека, который на виду, безоблачна и прекрасна. Если б кто-нибудь знал мои страдания!

— Есть такая притча: некий царь в древности заманил в свой сад Сатира — Бога-зверя и допытывал его: в чем высшее счастье в жизни? Сатир обернул к нему свое бледное звериное лицо, искаженное страданием, и произнес загадочные и жуткие слова: «Высшее счастье — совсем не родиться. А рожденному — как можно скорее умереть...».

— Если суметь вознестись над миром и жизнью на такую философскую высоту, то, конечно, лучше не родиться, но раз уж родился, хотя бы прожить жизнь так, чтобы поменьше было совестно. О том, чтобы вовсе не было стыдно, — не может быть и речи. Обязательно есть за что стыдиться: потакал страстям... Ну нет в тебе Отца Сергия — не ночевал он никаким образом — палец себе не отсечешь за то, что возжелал. Потом начинаешь мучаться: зачем мне это было нужно? У Канта есть дивная запись: мочеиспускание — единственное наслаждение, не оставляющее укоров совести. Все остальное... Нажрался. Зачем? Напился. Зачем? Любовные связи. Зачем мне это было нужно? Муки совести не будут давать мне покоя до конца понимания своего несовершенства, хотя, с другой сто-

роны, это залог того, что я что-то еще преодолеваю и совершенствуюсь. И в этом мне помогают моя семья и мои друзья.

Однажды моя жена пришла к высокому выводу: дружба — величественнее любви. Потому что любовь бывает без взаимности, а дружба без взаимности не бывает. Здорово, да? Друзей у меня очень немного, но положиться на них я могу полностью.

— Это какие-то «столетние» друзья, да?

— Необязательно. Есть совсем недавние — двадцать лет, скажем.

— Двадцать лет — недавние!

— Позавчера познакомился...

— Вас когда-нибудь предавали в жизни?

— Здесь, в нашем дачном поселке, живет один литератор, который был со мной до некоторых пор в добрососедских отношениях. И вот когда я выхожу на аллею прогуляться, то всегда думаю: «Если я сейчас его встречу и он скажет мне: «Здравствуйте, Зиновий Ефимович», я ему отвечу: «Знаете что, давайте с вами не будем знакомы...». Прекрасную фразу придумал, да? И вот иду я довольный собой, он подходит ко мне и говорит: «Здравствуйте, Зиновий Ефимович!». «Здравствуйте», — говорю ему я, называя его по имени и отчеству... Вот и такая есть еще у меня слабина. Я нахожусь в вечном конфликте с самим собой. То маленькое обстоятельство, что я принят среди людей, не помогает мне — есть пропасть между тем, за кого меня принимают, и тем, что я есть на самом деле.

— Зиновий Ефимович, я хочу вернуться к началу нашей беседы — к разговору о нравственности. Однажды философ Василий Розанов разразился оскорбительной статьей в адрес Александра Блока [Розанов пишет об этом в своих воспоминаниях], и когда они встретились, Блок первый протянул ему руку... Как бы поступили вы в такой ситуации?

— На такое способны только гении — этот вопрос не ко мне. Только гений способен повести себя, с нашей человеческой точки зрения, не полюдски. Для нас это ненормально — своему обидчику первым протянуть руку. Другое дело, если у тебя попросили прощения, а первому... у Давида Самойлова есть замечательная поэма — «Сон о Ганнибале», где Ганнибал мстит своей жене за то, что она якобы ему изменила: он ее всю жизнь преследует — что он только не делает! В сущности она двадцать лет была на картоне, и вот синод назначает схиму и развод... В поэме есть удивительные строчки:

Арапу бедный правнук!
Ты не мстил,
А, полон жара, холодно
простил
Весь этот мир в часы
телесной муки,
Весь этот мир, готовясь
с ним к разлуке.
А Ганнибал не гений,
потому
Прощать весь мир
не свойственно ему...
— Вы уже знаете, в чем он,
смысл жизни!
— Ах, если б я знал!

Беседу вела
Лидия ГАЛУЩЕНКО.

